

Отрывки из писем Анны Ивановны Мусселиус к Николаю Михайловичу Морину, написанных ею из ссылки.

14.08.1946. ...Против прежнего, это лето проходит легче - материально. В остальном по-прежнему - тоска по семье, которую потеряла, которой я останусь верна до могилы. Ведь я верю, что все там ждут меня...

01.04.1947. ...Мы переехали в отдельный домик, около которого 15 соток огород. Но нет семян, картошки. С нового года нет картошки, она замерзла, месяца на два хватило бы ее. О том, как мерзли мы, описать невозможно. Питание стоит невероятных денег, которые очень трудно заработать. С неделю буран - то сильнее, то слабее, а по временам кажется, что унесет он наш домик вместе с нами. Настроение поэтому тяжелое. Живем только будущим, а именно как будем обрабатывать огород, и осенью набьем наш подвальчик, и уже не замерзнет картошка - мечтай! Как выращу табак, огурцы, лук и т.п. и будем (излишки?) продавать и на эти деньги покупать жиры. Пишу об этом тебе и думаю, не жиров мне надо, а покоя - "уснуть, умереть"...

В нашей избушке радио до ночи, слушала вчера симфонию Бетховена. Музыка поднимает и уносит от действительности. Конечно, настроения у меня меняются часто, живой в могилу не ляжешь. Скоро придет весна; живем на самой опушке тайги, будет солнце, цветы, кукушки закукуют, запоет соловей. Сколько еще положено промучиться на земле... и, пожалуй, в этом одиночестве оно даже легче, чем было бы сейчас нам в Ленинграде.

...По-видимому, будем только переписываться, пока один из нас получит письмо, что другого не стало.

Несмотря на все наши ожидания, уже не увидим никого из близких, а будем только доживать наши дни. Конечно, в 50 лет кое-что делается ясным, примиряешься со всем случившимся, с жуткой трагедией. Чем больше страданий, тем больше хочется туда. Когда засияет солнце, все изменится, горести эти не будут так давить. Сей-

час очень трудно передвигаться; в валенках невозможно — мокрые ноги; в ботинках скользко — на шаг оступишься, по пояс в снег то-нешь, из которого невозможно выбраться. Когда нет никого поблизо-сти, выпустишь всю лагерную брань, какую только знаешь, а когда кто видит — смеешься, как будто так и надо.

...И когда я хожу на базар в валенках, полных воды, и повязанная половиной байкового одеяла, я знаю, что я многое видела, почувст-вовала и поняла Красоту в звуках, искусстве, в общении с друзьями — и это богатство во мне, и никто его не отнимет у меня. Слушая Скрябина по радио, вспоминала тебя...

05.04.1949. ...Мне писать не о чем, кроме о бесконечных своих бо-лезнях. Целую неделю болели суставы, руки, ноги. Отчего это — са-ма не знаю... В больнице пролежала 2 месяца, после кошмарной сво-ей операции < (под местной анестезией вырезали целые ленты мышц, пораженные раком) >. ...Не хочется думать о том, как в этом году посажу картошку и как заготовлю дрова на зиму, а их надо очень много.

Совершенно не бываю на воздухе — сил нет у меня никаких аб-солютно. Сердце и так плохое после всего перенесенного, никуда не годится. Неинтересно жить... О М.М.¹⁾ ничего не слышно. От моих знакомых единственно я получила извещение о том, что он жив — да и то год назад.

...Часто вспоминаю Инну²⁾, Клару³⁾ и Ольгу Ивановну⁴⁾. Наше пре-бывание в Томске⁵⁾, когда еще жили какими-то надеждами.

Счастливы тот, кто уже там.

1) (Здесь и далее) М.М.Мусселиус.

2) И.Н.Леман-Балановская.

3) К.А.Днепровская.

4) О.И.Яшнова.

5) Имеется в виду Томская тюрьма.

ч.б.
не надо

искрено

30.09.1949. ...Уже так тяжело от столького зла за все время. Сегодня памятный день "именинный". Пулковое, астры, рябина, красненькие рюмочки, запотевшие с водкой, и свое собственное гнездо, теплое такое и прочное, как казалось...

03.10.1949. Все эти дни были сухие - снимали картошку. Устала. Все тело болит... Плохо я чувствую себя.

07.11.1949. Микуль! У тебя в Ленинграде $+2^{\circ}$, а у меня -47° . Уже 10 часов утра, а только верхушки сопок порозовели. Выходит солнце, Холодно. Обжигает, когда выходишь за снегом с ведрами - надо заливать кипятком его, чтобы получить воду. Все водоемы вымерзли. После трех "курсов" лекарства - дорогого, которым меня бесплатно снабжает мой хирург, некоторое время чувствовала себя лучше, а сейчас опять начинаются боли.

...Спасибо за фото Пулково. С тоской смотрела на четыре окна, за которыми по совсем другому протекала жизнь. Густой Кондратьевский сад зарос бурьяном - грустно. Много раз во сне в з/к видела его. Как ломались от страшной бури деревья в парке - пророчески...

Очень разросся наш поселок. Построен прекрасный клуб и т.п.. Магазин полон продуктами, мануфактурой - а бобиков¹⁾ мало на все это.

Завтра день рождения М.М., ему бы было 65 лет. А где он?

10.01.1950. С Новым годом, Микуль!

Спасибо за картины Ленинграда - самого красивого города в мире. Сейчас читаю "В осаде" - про Ленинград в блокаду. Много раз плачу, когда подумаю, что в это время там был Петя. Ты пишешь, что печальные мои письма. И все-таки нам только кажется, что мы с ума сойдем, а проходит горе и все переносишь. Через 8 лет сейчас остается в ду-

1) денег

ше провал... Пустота, в которую боишься заглянуть, как в заброшенный колодец.

Сегодня мрачный, но теплый день, может быть перед бураном. В такие дни хуже сердцу - наверно летом в жару сдохну.

Думала ли я, что буду спать здесь под буранами, может быть уже скоро.

04.02.1950. ...А у меня очень болит нога левая - вся горит, как в огне, ступня, отчего плохо сплю номи. Еще через месяц начнет таять и как хорошо было бы, если бы хватило сил посадить, что надо. Спит еще мой сад, из-за ноги не могу походить на лыжах, сбивать палками шапки снежные с пней. Природа точно оттолкнула меня от себя.

От своих подруг получаю письма. Одна звезда Магадана - оперная, еще одна из наших жен гремит в Кемерове, тоже певица. А я <...> доумираю в Чугунаше. Если весной не вернется М.М., то уж нечего ждать. Самой смешно, что так написала. Долготерпеливая, значит, я кума.

Поздравляю тебя с будущими выборами - величайшим праздником на севере.

13.03.1950. ...Я написала очень трагическое письмо, согласно моему состоянию, которое не отсылаю тебе, а пишу другое.

Как в тумане проходят дни мои. С каждым днем слабею... Вчера рано утром ходила недалеко от нас на выборы - оживленно, с подъемом голосует счастливая молодежь - и так хотелось бы сбросить с себя этот страшный недуг, ту кору, которая уже тянется все выше к шее... и какая-то сила положила руку на меня: "Хватит, тебе больше не положено".

...Привет Каврайским. Сейчас пойду сидеть на воздухе, душно мне. Ослепительно сияет солнце, добела накаленное, и снег оседает и разноцветно блестит, и напоминает мне детство.

09.05.1950. ...Получила твое прощальное письмо. Спасибо за твои чувства и сочувствие.

А я верю в загробную жизнь - и мне не страшно. Как жаль, как жаль, что не придется еще увидеться нам. А какой ты мог быть чудак, Микуль, и как умел посмешить. ...А перед домом цвел водосбор розовыми и лиловыми цветочками. А может быть, там будет еще лучше, Микуль.

Прилагаю при сем лиловый колокольчик - первый, который я, скрючившись, сторбившись, сорвала для тебя.

исарио